18+

Купание запрещено из-за медуз

Кирилл Кожанов

Кирилл Кожанов

Купание запрещено из-за медуз

«Издательские решения»

Кожанов К.

Купание запрещено из-за медуз / К. Кожанов — «Издательские решения»,

Три часа ночи, задержанный рейс и Фред, который не терпит пустоты. Они с Тоудом разжигают костёр: прямо там, в зоне вылета. И люди не уходят, все сидят и смотрят на огонь.К ним бежит служба безопасности: стволы, наручники. А Фред подзывает главного копа, что-то шепчет ему на ухо — и всё. Офицер начинает плакать, как ребёнок.Как это? Что было у него внутри? Будем разбираться.

© Кожанов К.
© Издательские решения

Купание запрещено из-за медуз

Кирилл Кожанов

Дизайнер обложки Анастасия Сушко

© Кирилл Кожанов, 2026
© Анастасия Сушко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6177-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Купание запрещено из-за медуз

Вообще-то люди так не разговаривают. Но если представить, что кто-то спросит меня: «а что вообще такое рок-н-ролл?», я покажу этому человеку Фреда.

Фред из «Дас Пойзон»: вы не представляете, какая сила была у него внутри. И я не о песнях, и не о том, как он махал гитарой, как орал, швыряя в нас эту энергию. Я про другое.

Гастроли, аэропорт, три часа ночи. Рейс задержан, полудохлые пассажиры влипли в кресла — как души в ожидании суда. А Фред не сидит: он не сидел на месте, если мог что-то сделать.

Они с басистом Тоудом ныряют в служебное помещение, находят какие-то ящики, ветошь, стреляные гильзы от строительного пистолета. Они тащат всё это в зону вылета, и Фред поджигает.

Костёр, прямо в аэропорту, в зоне вылета, в три ночи. И знаете, что самое крутое? Люди не уходили, они смотрели на огонь: настоящий, живой, горячий — в этом стерильном и мёртвом месте, где всё идёт по расписанию, а оно задержано, и никто не чувствует себя человеком.

Срабатывают датчики. Сирена, свет, весь этот технологический вой. К костру бежит служба безопасности, четверо. Лица у них такие, какие бывают у людей, которым платят за то, чтобы ничего не происходило. А тут происходит. Тут, мать его, полыхает.

Басист начинает вставать. Он большой, Тоуд. Но Фред чуть поднимает руку: «Я сам».

Фред не вскакивает, он сидит, как сидят у костра — подтянув колено, свесив руку. Он смотрит на старшего офицера снизу вверх, и тот… замирает! Он должен был рвануть Фреда, заломать, как положено. Но он останавливается.

Фред подзывает его ближе, манит пальцем, как человека, которого знаешь давно, и который забыл что-то важное. Старший офицер наклоняется, Фред что-то шепчет ему на ухо.

Никакой тишины — ревёт сирена, люди шепчутся, трещит костёр. Но между этими двумя — тишина. Такая, в какой тонут.

Фред говорит на ухо, офицер слушает и вдруг — всхлипывает. Понимаете? Этот мужик в форме, с рацией и дубинкой, этот человек, которому положено застёгивать наручники и строчить протоколы, — он начинает рыдать как ребёнок.

Потом он выпрямляется, вытирает лицо рукавом. Поворачивается к своим и хрипит: отстать! Отстать от них. И они отстают, потому что он командир, и потому что у него лицо человека, который только что услышал что-то, чего не объяснишь в рапорте.

Костёр догорает, Фред больше не подкидывает. И, знаете, когда последний огонёк сдох, в аэропорту стало куда темнее, чем было до того, как ребята зажгли.

Что прошептал Фред этому копу? Неясно. Тоуд не слышал — стоял далеко.

Вот в чём была сила. Не в том, что они могли спалить аэропорт. Любой дурак может поджечь что угодно. А в том, что за спиной Фреда оставалась тишина, по которой ясно, кто тут по-настоящему живой.

Ладно, хватит легенд. История, которую я хочу рассказать, — она о другом.

Всё началось за несколько часов до нашей ссоры. До того, как брат заорёт, что я не спас его, а обокрал. Что он должен был узнать обо всём первым, а узнал — последним, как идиот, как последний обыватель. Что он обязан был пережить этот кошмар вместе со всеми, с «нашими», а вместо этого шарахался со мной по тоннелям… Но кричать он будет позже, в конце. А потом — замолчит.

Корни неизвестно каких деревьев, словно выпотрошенные кишки, пластались по ровным квадратам газона. Я парковался у офиса корпорации «Прайм Электрик» и старался смотреть на разметку, но взгляд всё равно цеплялся за эту дрянь. Корни были огромными, они извивались, будто хотели оторваться и уползти…

Вообще-то был хороший день, день больших надежд. Не стоило думать про кишки, но тревога суёт в голову что попало. А прогнать её было невозможно, потому что здесь, на парковке «Прайм Электрик», решалась вся моя чёртова судьба. Я привез брата на финальное собеседование.

— Телефон оставь, — сказал я.

Марк насторожился:

— С чего это?

— На всякий случай.

Я объяснил: полежит в тачке, не будет отвлекать.

— Отвлекать? Да с какой стати? Или это залог, чтобы я вернулся?

Ага. Типа я боюсь, что мелкий добьётся своего, сразу свихнётся от успеха, прыгнет в бизнес-такси, а меня оставит жариться тут. Я устал от его шуток. А солнце пекло.

— Ты будешь сидеть в коридоре, копаться в соцсетях. И вызовут тебя в самый неподходящий момент.

— Это в какой?

— Не знаю. Наткнёшься на что-нибудь неостроумное, начнёшь хохотать, как идиот. Или Эмма напишет очередную гадость про ваши отношения — и всё. Будешь думать не о задании, а о том, как всё рушится. А когда начнёшь докладывать, телефон ещё и зазвонит.

— Я выключу звук.

— Да, конечно.

Когда у брата стоит режим «без звука», он тем более вертит телефон в руках, прячет и снова достаёт — не пришло ли там чего новенького… Я взглянул на часы.

— Кстати, без десяти три. Ты ещё здесь?

Он убежал, а я остался в машине — коптиться под солнцем и ждать результатов этого важного собеседования. Мы тут не в первый раз: брат уже дважды кривлялся перед местными начальниками, выполнял какие-то инженерные фокусы. Последнее задание было домашним, и Марк не вылезал из-за компьютера неделю. А теперь он должен был презентовать результаты какому-то главному боссу, и тогда всё решится. Для него и для меня.

Марк с отличием окончил технический факультет Уэйк-колледжа и вполне способен прямо сейчас стать инженером «Прайм Электрик». Тогда в семью наконец залетят деньги. Брат сможет помогать матери и сестре, а я — сделать то, о чём мечтаю два года. Я поеду в Роксбери учиться юриспруденции на постдипломном курсе профессора Боула.

К машине подбежал колумбиец — молодой и неопрятный. Я машинально накрыл телефон брата ладонью. Но зря: такие мелочи колумбийца не интересовали. Достав откуда-то тряпку и ведро, он принялся тереть стекло моей машины — без спроса и безо всякого стыда.

— Дружище, тебя просили? — огрызнулся я.

Колумбиец же был невозмутим:

— Такой красивой машине — и стёкла будут красивые! — ответил он с густым акцентом.

Я дёрнул рычажок омывателя. Ударила струя, вонючая и горячая от солнца. Парень отскочил — ловко и весело. На нём были мешковатые джинсы, растянутая белая футболка. На шее — цепь из тех, что продаются на заправке за доллар.

— Друг! — крикнул он. — А если в глаз?

— Чего?

— Спирт в один глаз. Один глаз трезвый, другой пьяный — это как будет?

Мойщик расхохотался. Он снова прыгнул к машине, и, не теряя улыбки, опять вцепился в тряпку. Тут я заметил, что у него нет переднего зуба. И что-то в этом было: трогательное и почти симпатичное.

Закончив, колумбиец замер у двери. Я отдал ему монетку.

— А что-то ещё? — хитро спросил парень, и тогда я дал ему ещё и сигарету.

— Красивая машина! — протянул он со струёй дыма.

— Да, спасибо, — выпустил дым я.

— Я тоже всякое старьё люблю! — подмигнув, добавил он.

Я рванул руку с горящей сигаретой к его лицу. Он отскочил — быстро и пластично, как зверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.